



## Точка зрения



В.Р. ШМИДТ

# Нужно ли защищать детство от защитников детей?

*Шмидт Виктория Рудольфовна — кандидат психологических наук, Master of sciences in social work, докторант университета Масарика, Брно, Чехия.*

*Стремится встроить психологическую помощь в контексты культуры, социального развития, правовых практик, чтобы поддержать среду профессиональной рефлексии.*

*Полагается на междисциплинарный подход как источник профессионального развития помогающих специалистов.*

**Авторы, статьи которых размещены в данной рубрике, представляют и обосновывают свою собственную позицию по различным вопросам психологической теории и практики, которая может не совпадать с традиционными представлениями о них.**

*В статье рассматриваются различные подходы к проблеме защиты прав ребенка в современном обществе. Анализируются как сильные, так и слабые стороны различных точек зрения на приоритетные права ребенка по отношению к взрослым.*

**Ключевые слова:** социально-психологическая помощь семье и детям, защита прав ребенка, потребности ребенка, приоритет прав ребенка, дето-центрированный подход.

Разнообразие социальных теорий и практик упорядочивается дилеммами — парами принципов, которые противоположны друг другу, но сфокусированы на решении одной проблемы. Рассмотрим, например, вопрос: что важнее для развивающей работы — результат или сам процесс? Единого «правильного» ответа на этот вопрос быть не может. При этом сообщество специалистов может быть разделено в соответствии с многообразием точек зрения на эту дилемму. И хотя на первый взгляд может показаться, что дилеммы только затрудняют жизнь теоретиков, а еще больше — практиков, при более глубоком рассмотрении можно понять основное предназначение дилемм — создавать «пространство ориентиров» для самоопределения специалистов и поддерживать здоровую конкуренцию между подходами к осуществлению психосоциального вмешательства. Такая конкуренция обеспечивает не только рефлексивность специалистов, но и право обращающихся за помощью выбирать тип и направленность такой помощи. Конкуренция подходов — залог ответственного и вдумчивого отношения специалистов.

Обеспечение прав детей — мультидисциплинарная задача, и на последнюю роль в разноголосице подходов и теорий играет психология. Данная статья подчинена рассмотрению только одной дилеммы, важной для решения вопросов помощи детям, — на чем должен быть сосредоточен специалист: на семье и ее потребностях или на ребенке и его потребностях?

Но не надумано ли такое противопоставление — могут засомневаться читатели. Достаточно обратиться к практике помощи детям и семьям, чтобы убедиться в существенном недостатке



внимания к потребностям родителей и тем семейным контекстам проблем самого ребенка, без которых бывает трудно не только помочь ребенку, но даже понять суть затруднений развития и воспитания.

Так, в одном из центров работы с детьми и семьей специалисты никак не могли решиться поставить диагноз девочке 3,5 лет. Многие ее поведенческие проявления можно было определить как аутистические, в то же время, для того чтобы установить диагноз, признаков было недостаточно. Маму подробно расспрашивали о том, как ребенок проводит время, как играет, чего боится, что любит и т. д.

Наконец порядком уставшая от расспросов мама вдруг выпалила: «Рождение этого ребенка было для меня как смерть». Повисла пауза. Один из специалистов решил спросить: «Как так сложилось?» На что мама рассказала историю о том, как ее муж ожидал мальчика, как УЗИ показывало, что вторым ребенком в семье (в которой уже была девочка), будет мальчик, но родилась девочка, и муж, не выдержав разочарования, на время ушел из семьи. Этот период женщина почти не общалась с малышкой — поскольку находилась в подавленном состоянии. Почти полгода ребенок был на попечении няни, а мать кормила ее, сцеживая молоко.

История семьи этой девочки многое объяснила в ее развитии, однако мнения специалистов относительно поведения матери разделились. Только один из них не испытал в ее отношении негативных эмоций. Большинство сошлись во мнении, что и до этой истории женщина не производила впечатление хорошей матери, а после того, как стало известно, что она не смогла справиться с депрессией ради ребенка, все встало «на свои места». Эти специалисты определили и то, что вряд ли смогут продуктивно работать с женщиной, которая не смогла занять позицию матери. И работу с семьей продолжал специалист, который не испытывал негативных эмоций в ее отношении.

Эта история, по наблюдению автора, — редкий случай. Невнимание к семье и принятие ее потребностей часто связано с установкой, которая метко была определена одним из психологов на тренинге подготовки приемных родителей: «Родители для психолога — как уши для парикмахера, только и делают, что мешают работать». И эта, на первый взгляд, непрофессиональная, бытовая установка имеет давнюю историю своего формирования, как в общественном сознании, так и в практике оказания профессиональной помощи.

### **Приоритет прав ребенка — заблуждение или оболочка социальной манипуляции?**

Отношение к детям и подросткам как к чему-то исключительному и отличному от взрослых характерно не только для российского общества, но и для мно-

гих стран. Насколько справедлив принцип «Благополучие детей — прежде всего»? Современные исследователи указывают на то, что фокус на благополучии ребенка на самом деле — источник дискриминации как взрослых, так и самих детей.

Подобный «дето-центрированный» подход имеет два источника развития. С одной стороны, философия Просвещения, указавшая на отличие ребенка от взрослого и необходимость особого подхода к нему. Известный исследователь делинквентности Mantsa остроумно заметил, что если бы не концепт особости детства, который лег в основу ювенальной юстиции, никогда бы не было сконструировано и понятие «подростковая делинквентность», а многие подростки не стали бы заложниками этой концепции. С другой стороны, на становление этого подхода повлияла идеология постиндустриальной эпохи, когда детство, по меткому определению N. Folbre в статье «Дети как общественное благо», было наделено экономической ценностью.

Прежде ребенок был участником добычи средств к существованию, теперь стал важным не детский труд, но вложение в ребенка как в будущее семьи, рынка и государства. Именно на этот период (конец XIX — начало XX веков) приходится трансформация политики в отношении обеспечения семей и детей — прежний акцент на семье уступает место государственному патернализму в отношении материнства и детства. Именно в эту тенденцию вписывается и классическая модель ювенальной юстиции — право государства особо судить ребенка и его окружение, опираясь на систему своих интересов, «упакованных» в гуманитарные ценности [2]. Отношение к несовершеннолетним осужденным также иллюстрирует «экономический» подход к детству — в первую очередь, важна трудотерапия и формирование способности обеспечивать себя. Трудовые достижения в период заключения, например, становятся основой для решения в пользу условно-досрочного освобождения.

Государственный патернализм проявился и в том, что именно государство во многих странах взяло на себя право решать, достойны ли родители воспитывать ребенка, соответствуют ли они стандартам «хорошего родительства». Одновременно с актуализацией темы «все лучшее — детям» распространяется и система требований к семье как обязанной воспитывать ребенка в соответствии с некими нормами и предписаниями. Практика изъятия детей из неблагополучных семей характерна для многих европейских стран в первой половине XX века, как и практика жесткой оценки детей и семей. Известная исследовательница ювенальной юстиции во Франции Сара Фишман особое внимание уделила протоколам социальных работников времен правительства Виши. Исследовательница выяснила, что по преимуществу решение о помещении ребенка в особое учреждение принималось в случае, когда и поведение ребенка, и семейная ситуация оценивались специалистами как малоресурсные. И критерии оценки семьи и разви-



тия ребенка, и позиция специалиста (не помогать, а наказывать) располагают задуматься над тем, насколько правомерна такая позиция [5].

Практика общественного воспитания детей с особыми нуждами также во многом опирается на мысль о несостоятельности родителей в уходе за таким ребенком. Давление этой установки столь значительно, что даже в случае воспитания ребенка в семье родители постоянно стремятся доказать себе и окружающим, насколько они сильны и ресурсны, что ребенок вырастает и мало отличается от сверстников, развивающихся в пределах нормы.

Итак, установка «дети — наше все», с одной стороны, весьма действенный рычаг влияния и манипуляции общественным сознанием, а с другой стороны, источник формирования определенных технологий и подходов к развитию психосоциальной помощи.

Несомненно, необходимо отличать общественное мнение относительно проблемы детства (которое и было метко определено как «коммодификация детства») и научно обоснованный подход, фокусированный на ребенке. И, тем не менее, связь между внешне научным отношением и академическим подходом существует. Социальная нагрузка на семью и ребенка усилилась, и востребованными оказались такие теории и подходы, которые могли бы содействовать как наиболее точной оценке состоятельности семьи и потенциала ребенка, так и приближения семьи и детей к таким стандартам. Соответственно, подходы, которые хуже справлялись с такой задачей или вовсе с ней не предполагали справляться, оставались невостребованными. Более того, как в обществе, так и среди специалистов закрепилось мнение, что социальные работники и психологи — на стороне детей. Сами профессионалы во многом утратили должную степень критичности по отношению к данной позиции. Коробит ли отечественного психолога вопрос «каким мы хотим видеть современного подростка?» — далеко не все специалисты могут распознать патерналистский (покровительствующий) подтекст такого вопроса, поскольку привыкли оперировать в логике «раз мы отдаем все лучшее детям, то имеем право потребовать от них возвращения кредита с процентами».

Дето-центрированный подход обладает как сильными, так и слабыми сторонами. К несомненным достоинствам центрации на ребенке можно отнести разработку многообразных технологий оптимизации детского развития посредством насыщения среды дополнительными источниками, побуждающими познавательную активность и эмоциональное включение ребенка. В то же время, дето-центрированный подход существенно упрощает понимание развития ребенка в контексте семьи. Потребности родителей могут игнорироваться и не соотноситься с задачами оптимизации его развития. Вероятно, сам по себе дето-центрированный подход не может быть ложным или абсолютно правильным — но монополия данно-

го подхода и, соответственно, недостаток семейно-центрированного подхода, существенно затрудняет решение многих проблем на любом уровне их существования — будь то случай отдельной семьи или реформа социальной сферы, например, введение ювенальной юстиции или распространение семейных форм устройства.

### Условия развития семейно-центрированного подхода

Что же следует предпринять для решения дилеммы «интересы ребенка — интересы семьи»? Ответ зарубежных коллег ясен — преобразовать понятие «благополучие ребенка», внедрить в практику иные стандарты понимания и вмешательства в развитие подрастающего человека. Пути ре-концептуализации принципа благополучия детей включают расширение понятия «успешная жизнь» от исключительно экономических критериев к более комплексным, включающим смысл жизни и сохранение своей самости. Важно принять идею, что около взрослого, который жертвует ради ребенка чем-то, трудно выразить успешным самого ребенка. Содействие взрослому может эффективней повлиять на ситуацию, чем прямая работа с ребенком — например, трудоустройство отца иногда значит для его развития больше, чем детское пособие. Ребенка легче уважать, если уважаются и его родители, и ребенка легче научить уважать себя, если его учат уважать права взрослых [6, р. 9]. Преобразование ценностей в направлении распространения семейно-центрированного подхода — практически государственная задача. В европейских странах она решается в контексте распространения механизмов реализации Европейской конвенции о правах человека. Этот международный документ акцентирует внимание на таких проблемах, как обеспечение права на частную жизнь, права на развитие человека и т. д. Социальные работники и психологи пересматривают стандарты своей деятельности в соответствии с ценностями прав человека «третьего поколения» — именно так определяются ценности, заложенные в Европейской конвенции.

Основным отличием семейно-центрированных служб от персоно-центрированных следует считать сосредоточенность на семье, когда специалист не предъявляет требования, но понимает семью в самых разных проявлениях. Можно указать на три дилеммы, выбор внутри которых определяет разные модели психосоциальной помощи детям и семьям:

- норма — это благо или норма — это ограничение;
- в фокусе ребенок или в фокусе семья;
- что важнее: поддержка профессионалов или волонтерская работа.

Соответственно, выбор в пользу того или иного полюса формирует определенную стратегию ее оказания. Можно выделить три основных стратегии: традиционную, или поведенческую (внутри которой имеет



смысл выделить экологическую и патерналистскую модели); гуманистическую; радикальную. Их сравнительное описание приведено в табл. 1.

Отечественная психосоциальная работа по преимуществу представлена патерналистской моделью, экологический подход только проникает в практику. Гуманистический подход по преимуществу известен «в теории», а о радикальной социальной работе малоизвестно не только практикам, но и теоретикам помогающей деятельности. Экологический подход и даже патерналистская социальная работа сами по себе — вовсе не плохие модели оказания помощи, однако когда эти подходы не конкурируют с другими, они вырабатывают риски для развития социальной помощи в разных сферах общественной жизни.

Любое сравнение легко обозначить с помощью метафоры.

*Патерналистская психосоциальная помощь* напоминает беговую дорожку с барьерами — родители и дети должны показать достойный результат пробега, а специалисты могут выполнить и роль тренера, и роль судьи, и даже тех, кто проверяет спортсменов на допинг-контроль.

Взаимодействие специалиста с клиентом в рамках *экологического подхода* можно представить как совместное собирание конструктора. Детали конструктора предоставляются клиентом: это факты, их интерпретация, сделанная клиентом, опыт клиента и т. д. Консультант собирает из этих деталей то одну, то другую конструкцию, намереваясь, в конечном счете, создать ту гипотезу (объяснение проблемы), которое поможет клиенту осуществить шаги по оптимизации ситуации жизни. За клиентом остается последнее слово — принять или нет ту конструкцию, которую ему предлагает специалист.

Соответственно, в *гуманистическом подходе* взаимодействие похоже на созидание зеркала, в котором клиент видит себя. Когда клиент приходит к специалисту, он смотрит в зеркало и говорит себе: «Какой я худой (толстый)», «Я — ужасный отец, не могу даже малого» и т. д. Может быть, человек себе ничего и не говорит — он просто «сворачивается в комочек», только бы не видеть того, что в зеркале. Может быть, у

человека будет большее искушение разбить это зеркало. В любом случае, на языке гуманистического подхода такие формы поведения означают непринятие себя, перегруженность оценочными суждениями, которые подменяют понимание поведения и чувств. Задача и состоит в том, чтобы помочь клиенту «смотреть в зеркало», руководствоваться тем, что там видно, использовать зеркало и для того, чтобы понимать внешние события и других людей. Часто в процессе гуманистической терапии «зеркало» как бы находится в руках специалиста, но постепенно специалист «отдает» его самому клиенту. Поскольку гуманисты не прорывают своих шагов, их работа почти всегда имеет спонтанный характер, часто неожиданный не только для клиента, но и самого терапевта.

*Радикальный подход* основан на преодолении стереотипов, которыми оперирует человек. Удачной метафорой радикального подхода становится путешествие, которое предполагает возникновение экстремальных ситуаций, когда прежний опыт придется делить на тот, который пригодится, и тот, который нужно «оттормаживать», чтобы прежнее виденье не мешало выработке новых решений. В таком путешествии невозможно проложить тропу, а тем более — построить дорогу. Смысл путешествия в самом путешествии.

Основными критериями сравнения подходов, тем не менее, остаются цели, задачи и методы работы специалиста. Очевидно, что семейно-центрированный подход не сводится только к ценностям и установкам специалистов и отличается от дето-центрированного подхода методиками работы с запросом. Семья как важнейший ресурс де-институционализации была исследована в различных подходах:

- экологическом (человек понимается как часть социальной системы, и в первую очередь, семейной системы, проблемы, как и решение проблем, должно иметь системный характер);
- гуманистическом (ресурс безусловного принятия и любви мог быть предоставлен только в условиях семьи, что особенно актуально для людей со значительными ограничениями развития, но семья нуждается в помощи специалистов, чтобы обрести подобный ресурс);

Подходы	Норма		Фокус		Помощь	
	Благо	Лимит	Ребенок	Семья	Профессионал	Волонтер
Патерналистская модель	+		+		+	
Экологический подход	+			+	+	
Гуманистический подход		+	+		+	+
Радикальная модель		+		+		+

Табл. 1 Сравнение подходов социальной помощи семье и детям



— рефлексивном (формирование у семьи готовности преодолевать общественные стереотипы и действовать в соответствии с пониманием своих прав) [3].

Тот или иной профиль помощи проявляется на всех уровнях и этапах ее осуществления: от подхода к организации службы до технологий работы специалиста [1].

*Экологический подход* активно оперирует различными консультативными практиками, основанными на системном подходе — когда специалист фокусируется на выявлении источников проблем семьи и ребенка, а проблемы ребенка рассматриваются как составляющие не совсем конструктивной и отчасти дисфункциональной семейной системы. Экологический подход тяготеет к выработке универсальных подходов решения задач помощи семье — по преимуществу, эти технологии предполагают углубленный анализ истории семейных деструкций.

*Гуманистический подход* основан на ведении групп самопомощи и содействии в организации таких групп. Также гуманистический подход вырабатывает определенные теории и технологии относительно конкретных проблем. Например, проблема помощи людям, находящимся в конфликте с законом, в том числе и подросткам, встроена в разработку восстановительного правосудия — основанного на идее примирения того, кому нанесен урон, и того, кто этот урон нанес. Сопровождение принимающих семей в гуманистическом подходе часто основано на признании того, что идеальных родителей не бывает. Как минимум, родителю приходится выполнять шесть функций:

- забота о физическом благополучии и безопасности ребенка;
- обеспечение материальных потребностей;
- содействие развитию ребенка и продвижение внутренних ресурсов;
- поддержка теплых отношений и эмоциональная близость;
- выстраивание и сохранение своих границ в общении с ребенком;
- признание границ ребенка и содействие его автономии.

Задайтесь вопросом «могут ли родители выполнять все эти функции на «отлично»?». Отрицательный ответ очевиден — поэтому в рамках гуманистического подхода активно развиваются такие стратегии помощи, как семейные визиты и сопровождение семей, нуждающихся в дополнительном участии.

*Радикальный подход* основан на преобразовании отношений человека и окружающих, поэтому так часто в рамках радикального подхода используется ресурс микросообществ — непосредственного окружения проблемной семьи. Также радикальный подход основан на усилении прав родителей — в том

числе и защите их от дискриминационного, давящего отношения специалистов. Например, в США набирает популярность движение специалистов, которые помогают родителям детей с особыми нуждами противостоять давлению медиков.

Общими для всех подходов стали критерии эффективности работы с семьей:

- открытость семьи взаимодействию со службами помощи, равноправное взаимодействие семьи и специалистов на всех стадиях ее оказания;
- минимизация насилия и давления внутри семьи, развитие ресурса регуляции границ семейных отношений;
- профессионализация членов семьи: усвоение членами семьи навыков и знаний, свойственных специалистам, формирование нового типа семейной заботы, основанной на профессиональной компетентности [4].

Это убеждает нас в том, что ничто не должно мешать развитию более эффективной, экономичной и гуманной системы оказания специализированной помощи, к какой можно отнести семейно-центрированные службы. Однако либерализация, которая «породила» развитие семейно-центрированных служб, а вместе с тем и новых подходов к решению задач поддержки семей и детей, создала и немало проблем для развития как теории, так и практики психосоциальной помощи.

Либерализация меняет экономическое устройство как социальной сферы, в том числе социальных сервисов, так и правосудия. Причем была осуществлена как приватизация (например, распространение частных форм оказания социальной и психологической помощи), так и квази-приватизация, когда, оставаясь в рамках государственного сектора, социальная сфера начинает действовать по законам рынка через введение экономических критериев оценки эффективности учреждений социальной сферы. При этом любая организация начинает рассматриваться как предприятие, обязанное приносить прибыль. Ситуация в отечественной социальной сфере отличается и тем, что задолго до «официальной» либерализации отношений в ней проходили процессы, которые можно определить как стихийную либерализацию — когда сами специалисты вводили рыночную регуляцию в отношениях между социальными организациями и теми, кто в них обращается. Стихийная либерализация существенно деформировала этические основы труда специалистов социальной сферы и снизила доверие людей как к ее представителям, так и организациям в целом.

На Западе данные реформы были проведены в 70—80-е годы прошлого века. Страны Центральной и Восточной Европы продолжают заимствовать либеральные реформы как под влиянием международных организаций, таких, как Мировой Банк, так и ори-



ентируясь на опыт других стран. Россия уже более 10 лет находится в стадии либерализации, вначале стихийной, затем направленной.

Трудности перехода от дето-центрированного поведения к семейно-центрированному связаны, по мысли ряда исследователей, с тем, какой была позиция государства в отношении семьи — нейтральной или обусловленной применением технологий контроля [6, р. 100]. В странах, которые имеют давнюю традицию контроля за семейной жизнью (США, Канада, Польша), семейно-центрированные формы развиваются много медленней, чем в странах, которые отстраивали свою социальную политику в триаде «общество — государство — рынок» (Нидерланды, Бельгия) или «индивид — государство — рынок» (Франция). Исключение составляет триада «семья — государство — рынок» (США). Великобритания, по мнению ряда исследователей, отличается смешанной основой социальной политики, в которой участвует четыре субъекта: общество, индивид, государство, рынок. Разные акценты социальной политики (на семье, индивиде или обществе) формируют различное понимание того, в чем состоят интересы ребенка. В континентальной Европе данный концепт практически не имеет индивидуалистической окраски — речь идет о ребенке внутри семейной системы, тогда как в США до последнего времени интерес ребенка означал приоритет прав ребенка над правами взрослых. Межгосударственное сравнение установок специалистов на работу с семьей показывает, что концепт «оптимистическая гипотеза семейных отношений» в Великобритании оценивается специалистами негативно. Континентальная модель легче справляется с неоднозначными ситуациями, когда приходится принимать позицию всех сторон, а не делить семью на «виноватых и пострадавших». Так критерием эффективности во Франции становится достижение консенсуса с родителями (родственниками) в решении вопроса о том, как обустроить жизнь ребенка и семьи.

К какому варианту семейно-центрированного подхода может склониться Россия? Ответ на этот вопрос, в том числе, зависит и от готовности специалистов разных служб осваивать новые подходы и методологию работы. Патернализм в отношении детства минимизируется при существовании социальных служб, действующих на основе гуманистического или радикального подхода в социальной работе. Негативные последствия либерализации социальной сферы уравниваются наличием социальных служб, которые должны поддерживать стандарты равного доступа к социальным правам. Таким образом, при поддержке плюрализма подходов и методов работы, службы социальной и психологической помощи будут сами формировать те условия, которые определяют позитивный ход реформирования системы помощи семье и детям.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Шмидт В.Р. Психологическая помощь родителям и детям. Тренинговые программы. — М.: ТЦ Сфера, 2007. — с. 24—30, 217—222
2. Шмидт В.Р. Ювенальная юстиция и уголовное правосудие: рядом, но не вместе // Сравнительное правоведение, 2007, №3.
3. Balancing family-centered services and child-well-being / Ed. by Walton E., Sandau-Beckler P., Mannes M. — N. Y.: Columbia university Press, 2001.
4. Dembo R., Schmeidler J. Family empowerment intervention: An innovative service for high-risk youths and their families. — The Haworth Press, 2002
5. Fishman S. The Battle for children. World War II, Youth Crime, and Juvenile Justice in Twentieth-Century. — France, 1999.
6. The law and social work. Contemporary issues for Practice / Ed. by L.-A. Cull, J. Roche. — England: Palgrave, 2001.